

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080010701-8

АВСТРИЙСКИЕ ПИОНЕРЫ ЮЖНОАРАВИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ¹

© 2020

В.В. НАУМКИН^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428
director@ivran.ru

Резюме: В статье рассматривается роль наиболее ярких представителей классической австрийской школы южноаравийских исследований конца XIX – начала XX в., в первую очередь в изучении современных южноаравийских языков (их еще называют живыми в противовес мертвым языкам древних государств Йемена). Основное внимание уделено Южноаравийской экспедиции австрийской Императорской академии наук в конце XIX в., научные результаты которой нашли отражение в многочисленных публикациях ученых, совершивших в тот период несколько путешествий в этот регион как в рамках полевых сезонов экспедиции, так и вне ее. Выявлено значение полученных австрийскими учеными в ходе экспедиционной деятельности и впоследствии обработанных и опубликованных ими важных результатов как для науки вообще, так и в особенности для ведущихся в течение последних десятилетий на острове Сокотра в Йемене исследований российских лингвистов, получивших сегодня широкое признание в мире. Показаны трудности, с которыми сталкивались ученые австрийской экспедиции в ходе их путешествий по Йемену, а также роль соперничества, личных амбиций и неприязни, которые оказывали негативное влияние на работу членов экспедиции. Приводятся биографические данные об исследователях, которые в те годы вели полевую работу в южных районах Йемена.

Ключевые слова: современные южноаравийские языки, Д.Х. Мюллер, Австро-Венгерская империя, экспедиция, махри, сокотри, надписи, австрийская Императорская академия наук.

Для цитирования: Наумкин В.В. Австрийские пионеры южноаравийских исследований. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 207–226. DOI: 10.31857/S086919080010701-8

AUSTRIAN PIONEERS OF SOUTH ARABIAN STUDIES

© 2020

Vitaly V. NAUMKIN^a

^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428
director@ivran.ru

Abstract: The primary goal of this article is to evaluate the role played by the most eminent scholars representing the classical Austrian school of South Arabic studies of the late 19th – early 20th centuries, first and foremost – regarding the study of modern South Arabian languages (also commonly referred to as live in contrast to dead languages of the ancient states of Yemen). Major focus here is on the South Arabian expedition commissioned by the Austrian Imperial Academy of Sciences in 1898, whose

¹ Автор выражает искреннюю благодарность г-ну Томасу Хофману, руководителю Библиотечно-архивно-издательского отделения Федерального геологического ведомства Австрии (Hr. Mag. Thomas Hofmann, Leiter der Fochabteilung Bibliothek, Verlag, Archive, Geologische Bundesanstalt, Wien) за согласие использовать в статье фотографии из архива ведомства.

academic findings were reflected in numerous publications. The Austrian scholars traveled to that region over the same period both as team members of the expedition during field seasons or several times on their own. Profoundly assessed in the article is the value of the important results achieved by these scholars in the course of their expedition activities, that were subsequently processed and released by them, for science in general and, in particular, for the research of the Russian linguists that has been carried out during the last decades on the island of Socotra island in Yemen, whose results are widely recognized in the world today. The article shows the difficulties that the members of the Austrian expedition were facing during their travels in Yemen, the role of such factors as competition, rivalry and personal ambitions and aversion that negatively affected the work of the expedition team members. Biographical data about the scholars who were conducting field research in the southern parts of Yemen is included in the text.

Keywords: modern South Arabian languages, D.H. Müller, Austro-Hungarian Empire, expedition, Mahri, Soqotri, inscriptions, Austrian Imperial Academy of Sciences.

For citation: Naumkin V.V. Austrian Pioneers of South Arabian Studies. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 207–226. DOI: 10.31857/S086919080010701-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аравия как земля известной из Библии царицы Савской, правившей в «стране благовоний» на юге, и как родина возникновения ислама с ее священными городами – Меккой и Мединой на севере – с давних пор манила европейцев своей загадочностью и таинственностью. О том, что она делилась на две части, они знали от греческих авторов: на севере лежала песчаная и бесплодная Пустынная Аравия (*Arabia Deserta*), на юге – Аравия Счастливая (*Arabia Felix*). Библия повествовала, что именно отсюда царица Савская отправилась познакомиться с мудрым царем Соломоном с богатыми подарками: «верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями» [Третья книга Царств, гл. 10, 2–13]. В XV–XVI вв. первые побывавшие в Йемене путешественники писали о богатстве торгового порта Аден – главного города юга страны. С XVI в. жажда познания и открытия неведомых и богатых земель толкает в те края португальских командоров, которым удалось поставить свои гарнизоны на южном побережье Аравии и на острове Сокотра.

В 1503 г. в Аравию отправляется из Венеции Лодовико ди Вартема, который был первым путешественником, не только побывавшим в Аравии, в том числе в Аравии Счастливой, но и оставившим записи о своем пребывании там. Эпоха открытия Аравии, как ее называла бельгийский востоковед Жаклин Пирен [Пирен, 1970], началась.

В XIX в. европейцы постепенно стали находить в Южной Аравии все больше высеченных на камне, металле или процарапанных на керамике и пальмовых черенках надписей на неизвестных науке языках, на которых когда-то говорили жители государств древнего Йемена – Сабейского царства, Маина, Катабана, Аусана, Хадрамаута, Химьяра. Самые ранние артефакты – керамические изделия с процарапанными на них знаками древнеюжноаравийской письменности, относятся к XI в. до н.э., самые поздние надписи, повествующие об эфиопском завоевании, – к VI в. н.э. Расшифровать привезенные из Аравии рисунки и эстампажи надписей удалось лишь во второй половине XIX в. Англичане, французы, немцы, голландцы, итальянцы стали проявлять интерес и к изучению диалектов арабского языка, на которых говорили йеменцы. Но гораздо более загадочными, непонятными были разговорные бесписьменные языки жителей Махры (восточная провинция Йемена), Дофара (западный район Омана) и острова Сокотра, которые были совершенно не похожи на арабский, но поначалу ошибочно считались его диалектами.

Выдающуюся роль в изучении этих языков сыграли в конце XIX – начале XX в. австрийские ученые. В Австро-Венгерской империи востоковедение и востоковедное образование в университетах стали развиваться позже, чем в некоторых других европейских государствах – Великобритании, Нидерландах, Франции или Германии. За быстрым развитием этой науки в тот период стоял возросший политический и в определенной степени экономический интерес Австро-Венгрии к Востоку. Одним из определяющих факторов этого интереса были соседство и сложные отношения с Османской империей, в которую большинство стран арабского мира входили в качестве провинций. Важными направлениями развивающегося востоковедения стали арабистика, иранистика, египтология, африканистика, тюркология, семитология, история Востока, ближневосточная эпиграфика. Развитию востоковедных исследований способствовали участвовавшие путешествовавшие австрийских ученых в малоизученный Йемен. Его северная часть в тот период входила в Османскую империю, а южная находилась под господством Великобритании: Аден имел статус селтльмента и как часть Британской Индии управлялся из Бомбейского президентства, а южноиеменские султанаты, эмираты и шейхства были британскими протекторатами.

ПАТРИАРХ

Ключевую роль в исследовании живых бесписьменных языков Южной Аравии сыграл австрийский востоковед Давид Генрих Мюллер (1846–1912). Впрочем, его можно в равной степени считать востоковедом и еврейским, и украинским, и польским, и даже российским: он родился и некоторое время жил в Галиции, где российское влияние было весьма значительным.

Давид родился в городе Бучач в семье книготорговца Авраама Моисея Мюллера и его жены Ревекки². Следует сказать несколько слов о том, что представлял собой тогда этот маленький город, который в настоящее время относится к Тернопольской области Украины (в нем в 2019 г. проживало всего 12 414 жителей). Несмотря на небольшие размеры, Бучач был одним из старейших и крупнейших центров еврейской культуры в Галиции (самым крупным был Лемберг, ныне Львов). Город вошел в Австрию в 1772 г., после раздела Речи Посполитой, которой он принадлежал до того, в составе Королевства Галиция и Лодомерия со столицей в Лемберге³. Тогда Австрия еще действовала вместе с Россией против Франции, но потом ситуация изменилась. В 1809 г. по Шёнбрунскому мирному договору к России отошел Тернопольский округ, в том числе город Бучач, а в 1812 г. Австрия уже стала союзницей наполеоновской Франции. С 1815 г. Бучач был снова в составе Австрии. Евреи составляли более половины населения Бучача, основанного в XIV в. К примеру, к 1880 г. в нем проживало 8967 человек, в том числе 6077 евреев (67,8%), 1816 поляков и 1066 украинцев [Островерха, 1972, с. 442]. В годы детства и юношества Мюллера страна называлась Австрийской империей, со столицей в Вене (им-

² Здесь и далее все биографические сведения об исследователях Южной Аравии приводятся преимущественно по защищенной в Венском университете в 2011 г. диссертации Гертруды Штурм [Sturm, 2011], которой удалось привлечь к исследованию большое количество первоисточников. В их числе редкие документы о ранних годах жизни Мюллера: некрологи, написанные его учениками, памятная книга его родного города Бучач, различные справочники. Это также документы из архивов Венского университета, города Вены и Австрии о профессиональной деятельности Мюллера в поздний период его жизни. Кроме того, важным источником являются дневники и различные автобиографические тексты, написанные самим Мюллером. Выражаю искреннюю благодарность Петру Леонидовичу Когану, оказавшему мне весьма ценное содействие в обработке материалов диссертации.

³ Это королевство стало коронной землей Габсбургов и включало территорию Ивано-Франковской, Львовской и большей части Тернопольской областей современной Украины, а также Подкарпатского и основной части Малопольского воеводств современной Польши.

перский статус она получила в 1804 г.), а в 1867 г. она стала двуединой Австро-Венгерской империей. В Бучаче было много синагог, велась оживленная религиозная жизнь. Основным языком жителей города был идиш, немецкий был на втором месте, в школах изучался иврит. Представители еврейского населения занимали важные должности в органах городского управления и даже избиралась в австрийский парламент. Мальчиков начинали учить с четырех лет, а в возрасте 11–12 лет они могли продолжать обучение в ешиве. Такое начальное образование получил и Давид.

Рис. 1. Давид Генрих Мюллер возле ладаноносного дерева *Boswellia Carteri*.

Он воспитывался в еврейской культурной среде, уже в начальной школе изучал основы древнееврейской грамматики, с интересом читал книги из богатой библиотеки знавшего несколько языков отца, в том числе книги по гебраистике. Родители готовили его к карьере книготорговца, но он не последовал их совету. В возрасте 20 лет, женившись на дочери богатого еврея, он переехал в другой галицийский город – Коломью, а затем, после тяжелого развода с женой, – в Черновцы, где учился в гимназии. Пытался учиться в раввинской теологической семинарии в Бреслау, но бросил, потеряв к теологии инте-

рес, и отправился в Вену, чтобы поступить в университет. Там в 1869 г. он решил специализироваться на арабистике и востоковедении. В течение первых трех семестров посещал занятия по истории, филологии, философии. К четвертому году сосредоточился на изучении восточных языков. Его ранние занятия гебраистикой и изучение иностранных языков были хорошей стартовой площадкой для успешных занятий арабистикой и семитологией. Давид с жадностью впитывал знания, которые он мог черпать из лекций ведущих профессоров-арабистов в Берлине, Лейпциге, Страсбурге, и успешно завершил учебу. Вскоре после этого он получил должность приват-доцента семитских языков на философском факультете. В течение 14 недель работал в библиотеках мечетей в Константинополе. В 1880 г. стал экстраординарным профессором семитских языков в Венском университете, наконец, в 1885 г. – ординарным профессором. Преподавал арабскую грамматику и литературу, древнеэфиопский (геэз), древнееврейский и арамейский языки, сабейскую, финикийскую и ассиро-вавилонскую эпиграфику, которой углубленно занимался. Изучал также язык Корана, занимался исследованием труда арабского ученого Мухаммада аш-Шахрастани «Книга религий и сект», произведений доисламской арабской поэзии.

Уже на раннем этапе своего научного творчества Мюллер проявил себя как разносторонний исследователь. Он обратил на себя внимание дешифровкой древних южноаравийских надписей, исследованиями историко-географического характера по Южной Аравии и работой над комментированным изданием дошедших до нас четырех из десяти книг труда средневекового йеменского энциклопедиста Абу Мухаммада аль-Хасана аль-Хамдани (893–945) «Аль-Иклиль».

Мюллер внес неоценимый вклад в становление преподавания востоковедных дисциплин в Венском университете. Почти все 36 лет работы в университете, вплоть до 1911–1912 гг., он вел лекционные занятия. Исключение составили периоды его экспедиционной работы в Южной Аравии в летнем семестре 1890 г., в зимнем 1898–1899 гг. и в летнем 1903 г. Штурм отмечает: «В Мюллере сосуществовали жгучее рвение и живое понимание многочисленных смежных отраслей знаний, в частности тех, которые были близки к его специальности – истории и этнологии» [Sturm, 2011, S. 72].

В поздний, зрелый период своей научной карьеры Мюллер увлекся живыми бесписьменными языками Юга Аравии: махри, шахри, сокотри, и именно как пионеру научного исследования этих языков ему предстояло войти в историю семитологии. Он также приобрел репутацию организатора полевых исследований в этом регионе и наставника талантливых арабистов и семитологов. Но с Южноаравийской экспедицией – любимым детищем профессора, как мы увидим, было не все так гладко.

Мюллер скончался в 1912 г., вскоре после того, как ему было пожаловано дворянство.

ГРАФ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

В качестве партнера Мюллера по организации этой экспедиции выступил человек совершенно другой биографии – шведский граф Карло Ландберг. Рожденный в Гётеборге в семье торговца-оптовика в 1848 г. (всего на два позже Мюллера), он не был потомственным аристократом. После окончания школы приступил к изучению языков в Италии, потом, с 1870 г. – продолжил учебу в университете Уппсалы (Швеция). Будущий граф увлеченно изучал санскрит, турецкий, древнееврейский языки, археологию. Несколько лет прожил на Арабском Востоке, где изучал разговорные арабские диалекты, что в дальнейшем помогло ему добиться успехов в полевой работе на юге Аравии. Его продвижение по карьерной лестнице шло быстрее, чем у Мюллера: в совсем молодом возрасте он получил возможность путешествовать по Египту, занимал должности в дипломатическом ведомстве, служил в Сирии и в Египте, в том числе шведско-норвежским кон-

сулом⁴ в Александрии с 1888 по 1893 г. Но еще перед этим назначением он стал богатым человеком и графом. В этом ему помогла женитьба на Габриеле Генриетте Фридерике фон Халльбергер, после чего король Италии Умберто и пожаловал ему титул. Материальное благополучие позволило ему профессионально заняться наукой, но, как и в случае с Мюллером, его брак в дальнейшем был расторгнут. Это произошло в 1900 г.

Во время пребывания на Арабском Востоке, в 1884 г., Карло приобрел большое число арабских рукописей для Императорской библиотеки в Берлине. Заинтересовавшись Южной Аравией, он каждую зиму совершает путешествия в этот регион, изучая местные арабские диалекты и древнеегипетские надписи. Собранный им лингвистический материал он сделал всеобщим достоянием в своем пятитомном труде «*Critica Arabica*», опубликованном в 1886–1898 гг. престижным нидерландским издательством «Брилл». Постепенно исследование южноаравийских языков и диалектов становится преобладающим направлением в обширной сфере его интересов. У него зародилась идея организовать Южноаравийскую экспедицию, о чем он вступает в интенсивную переписку с Мюллером, а также с Лео Райнишем⁵ и Йозефом Карабацеком⁶. Амбициозный Ландберг, видимо, рассчитывал благодаря этому научно резонансному предприятию стать членом Австрийской императорской академии наук, но, как отмечает Штурм, это могло осуществиться только после успешного окончания экспедиции.

В своем увлечении живыми разговорными языками Южной Аравии шведский граф Ландберг был похож на галицийского еврея Мюллера – оба мечтали об экспедициях и работе полевых лингвистов. Обоим остро хотелось стать первооткрывателями, сделать то, чего еще не удалось сделать другим филологам-востоковедам. При этом Ландберг был еще и небезалапаным организатором. Он был делегирован Швецией на 7-й Международный конгресс востоковедов в Вене в 1886 г., возглавлял подготовку 8-го аналогичного конгресса в 1889 г. в Стокгольме и Христиании, был избран его генеральным секретарем. Именно в ходе работы конгрессов он завязал тесные контакты с австрийскими учеными, находившимися уже тогда в авангарде востоковедения. Благодаря его содействию им были оказаны почести при шведском дворе. Это в дальнейшем помогло Ландбергу стать партнером австрийцев по экспедиции.

Помогло и внимание, которое стала проявлять к семитологии шведская корона. Король Оскар II принял графа на государственную службу, финансировал его поездки по Египту и даже дал судно для экспедиции в Аравию. Гертруда Штурм пишет: «В последний год исполнения Ландбергом консульских обязанностей в Египте Оскар II присвоил ему звание камергера. В сентябре 1897 г. в качестве камергера Швеции и Норвегии Ландберг организует празднование 25-летия царствования шведского короля и обращается к знаменитому австрийскому ученому Лео Райнишу с просьбой назначить Оскара почетным доктором Венского университета» [Sturm, 2011, S. 193].

Таким образом, как и в случае с другими выдающимися исследователями Южной Аравии, экспедиционная работа ученого в регионе стала возможной во многом благодаря поддержке его правительства. Она была отчасти обусловлена тем, что все эти ученые в той или в иной степени работали на свои правительства, иногда выполняли их деликатные поручения и, несмотря на погруженность в науку, не были лишены ин-

⁴ Швеция и Норвегия после шведско-норвежской войны 1814 г. образовали унию, просуществовавшую до 1905 г., когда она была расторгнута Карлстадскими соглашениями, по которым Норвегия стала полностью независимой.

⁵ Райниш, Симон Лео (Simon Leo Reinisch, 1832–1919) – выдающийся австрийский лингвист, египтолог, эфиопист, получил известность как один из первых европейских исследователей кушитских языков. Был ректором Венского университета.

⁶ Карабацек, Йозеф фон (Joseph von Karabacek, 1845–1918) – крупный австрийский востоковед, египтолог, профессор истории Венского университета.

тереса к политике, что отвечало авантюристическим чертам характера некоторых из них. Последнее обстоятельство наряду с любовью к науке играло важную роль: ведь путешествие в полную опасностей и неожиданностей Аравию было весьма рискованным предприятием.

Рис. 2. Участники экспедиции во время работы в Йемене.

Штурм приводит высказывавшееся учеными мнение, что исследования Карло в Южной Аравии будто бы ограничивались прибрежными районами, так как ее внутренние районы были весьма труднодоступны, а Ландберг, как считалось, предпочитал комфортные бытовые условия тяжелым полевым. Это утверждение, однако, не выдерживает столкновения с действительностью, так как наиболее важными достижениями Ландберга были его работы по йеменским диалектам арабского языка (в том числе *Glossaire Dathinois*⁷, а Датина – как раз один из внутренних районов западной части юга Йемена⁸), которые до сих пор сохраняют ценность для науки [Landberg, 1901, 1905, 1909, 1913, 1920, 1923, 1942]. Тем не менее трудно сказать, в какой мере граф сам лично проводил работу по поиску информантов и их опросу в полевых условиях и проводил ли вообще или лишь поручал эту работу нанятым им местным жителям или британскому помощнику Джорджу Уайману Бэри. Штурм пишет: «Ландберг вряд ли мог в одиночку собрать настолько большое количество предметов и рукописей, а также создать столь обширные текстовые собрания, которые перед публикацией нуждались в предварительной обработке и редактировании... В последние годы своей деятельности в качестве дипломата он познакомился в Египте с Джорджем Уайманом Бэри и нашел в молодом человеке хоро-

⁷ Ученый написал большую часть своих трудов на французском языке.

⁸ Датина (конфедерация Датина) – тогда один из протекторатов Великобритании, Первый договор о протекторате на юге Аравии был заключен британцами с махрийским Султанатом Кишна и Сокотры в 1886 г., за ним последовали другие султанаты, эмираты и шейхства.

шего помощника. Он представлял его в качестве своего ассистента, брал его в путешествие, отправлял на разведку в глубь Аравийского полуострова» [Sturm, 2011, S. 196].

В 1897 г. Ландберг с Бэри совершили путешествие на Сокотру, откуда они отбыли в Германию, в приобретенное в свое время при помощи жены поместье графа – замок Тутцинг на западном побережье Штарнбергского озера (Вюрмзее) в Баварии. Ландберг взял Бэри туда, чтобы заняться обработкой материалов, собранных на острове. «Но уже через несколько месяцев совместной работы, – пишет Штурм, – Ландберг вновь отправил своего секретаря в Южную Аравию для сбора информации и установления контактов с племенными вождями в Нисабе⁹. Кроме того, Бэри должен был заниматься подготовкой к запланированной Южноаравийской экспедиции. Казалось, Бэри лучше других подходил для выполнения этой задачи, поскольку, будучи английским подданным, не должен был испытывать трудностей в поездке на территорию, находившуюся под английским влиянием» [Sturm, 2011, S. 196].

Ландберг предпринимает активные усилия для реализации своих планов. В письме Карабацеку Ландберг, позиционируя себя в качестве руководителя своей экспедиции, сообщал, что предложил Австрийской императорской академии наук приобрести собранную им обширную коллекцию древностей: «Каталог моей коллекции я оставил у твоей домработницы. Пятьдесят тысяч гульденов, форма оплаты – по желанию». Однако Академия не решилась покупать коллекцию, и «после неудачной экспедиции многие коллекционные предметы были распроданы Ландбергом по другим каналам. Они были приобретены различными музеями и университетами, в частности – Йельским университетом, университетом Уппсалы, Историческим музеем Стокгольма и другими» [Sturm, 2011, S. 195].

Личные амбиции, соперничество, которое зачастую принимало острые формы, и порой невыносимо трудный характер ученых мешали им плодотворно сотрудничать друг с другом. Коллеги считали Карло Ландберга надменным и высокомерным человеком. Хотя граф был уверен в силе своих личных связей в Южной Аравии, не говоря о блестящем знании арабского языка, ему все же не удалось стать полноправным руководителем экспедиции, которую в Австрии планировал Мюллер. Его отношения с Мюллером на протяжении всей его карьеры, как отмечает Штурм, были более чем прохладными. Ландберг не скрывал антипатию к нему. Когда в 1897 г. он переписывался с Райнишем о возможности пригласить на упоминавшееся выше празднование 25-летия интронизации шведского короля представительную австрийскую делегацию, он не упустил возможность дать не оченьлицеприятную оценку Мюллеру, при этом почему-то акцентируя внимание на его внешности: «Карабацек более репрезентативен, чем Д.Г.М. Он выглядит более изысканно и очень симпатичен внешне. Между этими двумя господами я бы предпочел его» [Sturm, 2011, S. 193]. Помимо личной неприязни свою роль сыграл и спор, в который вступил с австрийским мэтром южноаравийских штудий Ландберг в своем труде «*Critica Arabica*».

Граф-исследователь пережил своего соперника на двенадцать лет, скончавшись в 1924 г. в Берне.

БОРЬБА ЗА РУКОВОДСТВО ЭКСПЕДИЦИЕЙ

Итак, австрийская экспедиция в Южную Аравию с самого начала была омрачена довольно острым спором между Мюллером и Ландбергом о том, кто должен ее возглавить. В то время как Ландберг планировал взять все руководство единолично на себя, Венская императорская академия считала, что во главе ее проекта должен стоять «ува-

⁹ Город на юге Йемена, тогда столица Султаната Верхних Аулаки.

жаемый человек, член Академии и подданный Австро-Венгрии» [Sturm, 2011, S. 210]. Естественно, что Мюллер рассматривался как наиболее подходящий кандидат на эту позицию, хотя назначению могли помешать проблемы со здоровьем, которые он испытывал. Все же Мюллер настоял на участии в экспедиции. Этому помогло и избрание его членом Академии 20 июля 1898 г. Мюллер стал вторым руководителем экспедиции наряду с Ландбергом, который был чрезвычайно недоволен назначением австрийского академика и пытался этому помешать. Граф апеллировал к «еврейской» теме: «Если Мюллер поедет с нами, я буду его по-отечески опекать до тех пор, пока он не станет слишком якшаться с местными евреями, поскольку они – совсем не те образованные евреи, что в Европе» [Sturm, 2011, S. 210]. Возможно, за этим выпадом стояло обстоятельство, что Мюллер пытался использовать свои связи в еврейской общине Йемена для обеспечения благоприятных возможностей для работы экспедиции, но детали этого нам неизвестны.

Несмотря на то что Ландберг неоднократно запрашивал у Академии письменное подтверждение своих полномочий руководителя, он его так и не получил. Конкуренция ученых создавала настолько нездоровую обстановку вокруг экспедиции, что удивительно, как ей вообще удалось в дальнейшем все-таки добиться внушительных результатов. Согласно имевшимся официальным документам, Ландберг должен был взять на себя единоличное руководство экспедицией лишь во внутренней Аравии, но он трактовал свои обязанности несколько иначе. Так, из сведений, переданных им немецким газетам, мы узнаем, что он значился единоличным руководителем всей экспедиции, в то время как Мюллер не упоминался вовсе.

Мюллер тоже не уступал шведу в амбициях, выражая, в свою очередь, интерес к участию в исследованиях и внутри страны, что было отражено в протоколе комитета по Южноаравийской экспедиции. Это намерение было поддержано Австрией, но с оговоркой, что участие Мюллера в работе во внутренних районах не должно стать препятствием к исследованию языков Махры (Йемен) и Дофара (Оман). Возмущенный претензиями австрийца, Ландберг написал ему злобное письмо, Мюллер же в ответ пытался его успокоить: пусть роль руководителя останется за графом, а он будет выполнять функции своего рода австрийского представителя при экспедиции и довольствоваться в ней вторыми ролями. Желая поддержать свой авторитет в глазах австрийских властей, Ландберг пустился критиковать венского академика за недостаточное знание разговорных диалектов жителей Аравийского полуострова и язвить на все ту же тему его еврейства, говоря, что «еврей не может рассчитывать на хороший прием со стороны местного населения». Он также ставил под сомнение готовность «кабинетного» ученого к работе в полевых условиях.

Безмерное честолюбие и карьеризм шведского графа, проявившиеся в попытках добиться единоличного руководства экспедицией, вызывали немалую обеспокоенность у австрийцев, опасавшихся, что его поведение может помешать успеху всего предприятия. Однако на подготовительном этапе Мюллер и Ландберг, несмотря на острое соперничество и взаимную неприязнь, взаимодействовали довольно успешно.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Ответственность за подготовку путешествия легла на плечи членов комитета по Южноаравийской экспедиции, в который вошли Мюллер и его коллеги: зоолог Франц Штайндахнер, геолог Эдвард Суэсс и ставший председателем комитета Карабацек. Но, как показывает изученная в диссертации Гертруды Штурм обширная переписка между Карабацекком и Мюллером, именно они вдвоем осуществляли основную часть организационных работ.

Нужно было решать, в частности, сложные логистические проблемы, главной из которой было найти подходящее судно для перевозки членов экспедиции. Получить его от Австрии не удалось, и в целях экономии времени и средств было решено принять предложение Ландберга, который благодаря поддержке короля Оскара нашел в Швеции судно под названием «Готфрид» и арендовал его за собственный счет. По ряду причин пароход удалось взять в аренду по удивительно низкой цене: «в качестве общей стоимости было указано 25 000 гульденов, из которых 16 000 приходилось на собственно аренду, 6000 – за уголь и 3000 – за проход по Суэцкому каналу» [Sturm, 2011, S. 213]. Были предприняты меры для того, чтобы обеспечить членам экспедиции все удобства во время путешествия. В команду входили капитан, двенадцать матросов, четыре кочегара, повар и слуга Ландберга.

Однако судно австрийской экспедиции не могло плыть под шведским флагом, было необходимо занесение его в австрийский национальный реестр, что потребовало усилий и времени. В итоге над кораблем стали развеваться государственные флаги обоих государств.

В ответ на обращение посольства Австро-Венгрии в Лондоне англо-индийская администрация согласилась оказать экспедиции поддержку и поручила своим подданным в Аравии оказать ей любое возможное содействие. Интенсивная подготовка экспедиции велась по многим направлениям: были приобретены как предметы первой необходимости, так и медицинские препараты и специальное исследовательское оборудование, часть которого закупалась централизованно, а часть – самостоятельно отдельными участниками экспедиции. На заседаниях Академии, состоявшихся после осенних каникул, было установлено, что текущие расходы на экспедицию превышают имеющуюся в наличии сумму, и 6 октября Академия утвердила дополнительное финансирование в размере 10 тысяч гульденов.

«Не сидел без дела и Ландберг, – пишет Штурм. – Он занимался в первую очередь вопросами оборудования, в том числе мебелировкой корабля, а также оповещением вождей южноаравийских племен о скором прибытии экспедиции» [Sturm, 2011, S. 218]. В октябре появились новости о том, что в Аравии разразилась оспа, и потребовалась вакцинация всех участников предстоящего путешествия.

Надо заметить, что некоторые ставшие впоследствии известными талантливые австрийские исследователи Южной Аравии, представители Венской школы, не вошли в состав экспедиции в силу их молодого возраста, что не умаляет их заслуг перед наукой. Среди них надо в первую очередь назвать египетского грека по происхождению Николауса Родоканакиса¹⁰, выпускника Венского университета, в 1903–1904 гг. учившегося также в университетах Константинополя и Каира, который впоследствии довольно быстро приобрел репутацию одного из крупнейших арабистов-филологов и семитологов, знатока южноаравийских языков и диалектов, автора многих ставших классическими работ, особенно по дофарскому диалекту арабского [например: Rhodokanakis, 1908, 1911].

ОТПРАВЛЕНИЕ В ЮЖНУЮ АРАВИЮ

После завершения долгой подготовительной работы, в конце сентября – начале ноября 1898 г., участники, наконец, отправились в путь. Встреча с Ландбергом произошла еще в Вене – на торжественном приеме у президента Академии. В своем выступлении граф горячо благодарил представителей Академии за то, что руководство экспедицией

¹⁰ Nikolaus Rhodokanakis. Он родился в 1876 г. в Александрии, Египет, и скончался в 1945 г. в Граце, Австрия.

было доверено «незнакомцу». Граф сознательно блефовал, ведь на самом деле ему никто и не собирался делегировать полномочия единоличного начальника [Sturm, 2011, S. 219].

Ландберг и Мюллер сначала отправились на корабле в Александрию, а оттуда – на поезде в Каир, где они собирались «совершить еще несколько покупок и раздобыть подарки для вождей южноаравийских племен» [Sturm, 2011, S. 219]. В первую очередь, однако, предстояло провести переговоры с англичанами, которые должны были снять запрет на посещение посторонними внутренних районов Йемена и Сокотры. Ландберг обратился за помощью к своим знакомым в британском консульстве, которые выдали ему рекомендательные письма, но не смогли гарантировать безопасность членов экспедиции. По мнению обоих руководителей, Академия должна была сделать всё возможное, чтобы убедить британцев в необходимости проведения исследований во внутренних районах страны. Одним из аргументов могло стать то, что надписи, обнаруженные англичанами в Южной Аравии и Абиссинии, публиковались в Вене, следовательно, всякое научное противостояние между странами было исключено. В Каире Ландбергу и Мюллеру удалось раздобыть значительное собрание египетских папирусов, и, судя по их переписке того периода, они тогда были вполне довольны друг другом.

Однако в своем заключительном отчете об экспедиции Ландберг не упустил возможность подвергнуть критике роль Мюллера как австрийского руководителя экспедиции, к примеру, ссылаясь, что тот «не присутствовал при закупке подарков, отправившись вместо этого осматривать пирамиды». 9 ноября в Суэце Мюллер и Ландберг встретились с другими австрийскими участниками предприятия – Францем Коссматом, Оскаром Симони, Альфредом Яном и слугой Блохом, приплывшими туда на борту парохода «Амфитрита» (*Amphitrite*). 14 ноября все они прибыли в Аден, где к ним присоединился секретарь графа, вышеупомянутый Бэри. Теперь «Готфрид» был полностью загружен и готов к отплытию.

Необходимо сказать несколько слов о вышеупомянутых участниках экспедиции.

Известный геолог Франц Коссмат (*Franz Cossmat*) родился в 1871 г. в Вене в семье плотника, изучал геологию, географию и палеонтологию в Вене и в 1894 г. получил степень доктора. Будучи ассистентом Геологического института Венского университета, тесно сотрудничал со своим учителем Эдуардом Суэссом, который позднее, находясь на посту президента Австрийской императорской академии наук, активно содействовал проведению Южноаравийской экспедиции. Его пригласили участвовать в ней в августе 1898 г, с тем чтобы он занимался тектоническими и геологическими исследованиями, однако в письме в Академию перед экспедицией он жаловался на то, что для проведения его исследований Ландберг и Мюллер предоставили слишком мало рабочей силы. Тем не менее и он был очень заинтересован в путешествии, а руководители южноаравийской экспедиции считали его участие честью для Академии. Во время работы в Аравии Коссмат сотрудничал с Симони и подружился с Яном. Завоевал уважение Мюллера, и даже Ландберг не стал вступать с ним в конфликт, несмотря на то что Коссмат в споре между руководителями предприятия не выказывал ни малейших колебаний в своей лояльности к Мюллеру. Дневники Коссмата и другие его записи, которые подробно повествуют о маршрутах, выездах в поле, исследованиях и наблюдениях, сделанных учеными, хранятся в Федеральном геологическом институте в Вене.

В 1911 г. Коссмат стал адъюнкт-профессором в Вене, затем в Граце, с 1913 г. профессором геологии и палеонтологии Лейпцигского университета и одновременно – директором Саксонского геологического государственного института. Был членом Лейпцигской Академии наук, членом-корреспондентом Австрийской академии. Коссмат считался одним из лучших геологов Европы, его последняя работа «Палеография и тектоника», опубликованная в 1936 г., подвела итог всех его научных изысканий. После Третьего съезда геологов в Ташкенте в 1928 г. Коссмат присоединился к экспедиции на Тянь-

Шань, во время которой серьезно заболел. После его ухода из жизни в 1938 г. в Вене в его честь была названа площадь [Sturm, 2011, S. 194–195].

Оскар Симони (Oscar Simoni, 1852–1915; см. о нем: [Sturm, 2011, S. 200–204]) был незаурядной личностью, необычайной физической силы и ловкости, что позволяло ему с легкостью переносить как тяготы многочисленных экспедиций, так и подъемы на высочайшие точки Альп, предпринятые в компании отца. Потеряв подвижность в результате инсульта, Симони не смог смириться с инвалидностью и 7 апреля 1915 г. совершил самоубийство, бросившись вниз со второго этажа своего дома. Он родился в Вене в семье известного геолога Фридриха Симони, окончил шотландскую гимназию и с 1870 г. занимался математикой и физикой в Университете Вены. В 1874 г. сдал экзамен на преподавателя этих предметов в гимназиях, получил степень доктора философии, стал приват-доцентом в Венском университете. После защиты докторской диссертации в 1875 г. преподавал в там же математику и механику, а в 1913 г. ушел на пенсию из-за частичной потери слуха: нырнув под паролод, он недооценил его габариты, и был вынужден опуститься на гораздо большую глубину, чем предполагал. Обе барабанные перепонки лопнули. Симони очень страдал от приобретенной тугоухости, которая обострялась при каждой простуде, все больше отстранялся от людей и в конечном стал общаться лишь со своими студентами, которым и завещал свое состояние.

Симони с юности проявлял интерес к различным отраслям знаний, был хорошо образован, имел отличную память: знал наизусть произведения античных авторов, занимался также зоологией, ботаникой, геологией и метеорологией. В молодости часто сопровождал отца в походах, собрал большую коллекцию бабочек. Кроме того, он был отличным фотографом, благодаря чему мог дополнять научные труды отца иллюстрациями. В своих собственных публикациях Симони рассуждал на темы математики, физики, астрономии и мифологии, описывал экспедиции, в которых ему удалось принять участие. Он оставил после себя много дневниковых записей. Коллеги отмечали его глубоко неприязненное отношение к евреям, и Мюллера он за глаза называл не иначе как «свинским евреем».

Официальное приглашение принять участие в Южноаравийской экспедиции Симони получил, как и все остальные члены экспедиции, только в августе 1898 г. Симони, однако, требовал для себя от Академии полной свободы действий и позже жаловался, что не получил ее. В другом письме он выражал свои опасения насчет того, что подготовительный этап экспедиции был слишком короток. Симони направлял в различные институты просьбы о переносе экспедиции на год, что, естественно, выполнено не было. Симони принял участие в путешествии, но до самого конца сохранял достаточно скептический настрой относительно его успешного завершения. В связи с вероятностью неблагоприятного исхода он все же принял определенные меры предосторожности и завещал имение отца Музею естествознания в Вене.

Благодаря своим исключительным физическим и умственным способностям Симони отвечал в экспедиции за самые разные задачи. Вместе с Коссматом они исследовали ранее недоступные территории и поднимались на самые высокие вершины на Сокотре. Он прекрасно переносил тяжелые климатические условия и хвастался тем, что ему ни разу за всю экспедицию не пришлось прибегнуть к помощи солнцезащитных очков или зонтика. самого молодого участника экспедиции, Альфреда Яна, он взял под свою опеку и яростно защищал в споре с Мюллером. Вероятно, причиной для этого стала и неприязнь Симони к самому Мюллеру, которую он, однако, успешно преодолел в себе, когда возник конфликт «еврея» с Ландбергом. Вероятно, неприязнь к Ландбергу была еще сильнее, потому что тот во время экспедиции мешал его исследованиям, и в глазах Симони ответственность за неудачу поездки во внутреннюю часть Аравии ложилась именно на графа.

Высказывалось предположение, будто в 1901 г. Симони с Яном предприняли еще одну поездку на Сокотру, обойдя остров «вдоль и поперек». Указания на это мы находим в некоторых записках Симони и его письмах к Яну. Тем не менее такая поездка кажется маловероятной – в дошедших до наших дней дневниках Симони (которые он вел чрезвычайно скрупулезно) нет никаких конкретных упоминаний о ней, не изложено какого-либо плана, не говорится и о намерении автора изучить арабский язык.

Помощник Ландберга Джордж Уаймен Бэри (George Wuman Bury) родился в 1874 г. в семье владельца плантации Генри Чарльза Бэри, родом, вероятно, из Британской Гвианы. Точными сведениями о месте его рождения мы не располагаем. Провел детство и окончил школу в Атерстоне, графство Уорикшир. В 1894 г. был принят вторым лейтенантом в Королевский Уорикширский полк, но не смог попасть в Военную академию в Сэндхерсте. Желанная карьера офицера вскоре не удалась из-за семейных трудностей, что вместе с отсутствием постоянного источника доходов сильно омрачало жизнь. Задумав выучить арабский язык, он в том же году уехал в Марокко, где сначала поработал инструктором по стрелковому оружию и вдобавок провел несколько месяцев в племени шайдама в Западном Марокко, а через пару лет уже появился в Адене в качестве частного путешественника, что было началом его многочисленных экспедиций в Южную Аравию. В 1897 г. в Каире познакомился с Ландбергом, который взял его к себе ассистентом. Поначалу Бэри заинтересовался естествознанием, в частности орнитологией, но потом сосредоточился на поисках надписей для Ландберга и, под руководством Мюллера, для Австрийской императорской академии наук.

Отсутствие соответствующего профессионального образования и, как утверждает Эрик Макро [Маско, 1993], нестабильное эмоциональное состояние мешали Бэри занять постоянную должность. За всю свою жизнь он лишь недолго послужил сначала в качестве помощника британского политического резидента в Адене, затем офицером Королевского флота и, наконец, служащим британской военной разведки – Арабского бюро в Каире. Имел репутацию путешественника-авантюриста, смелого бойца в разного рода стычках и заинтересованного исследователя. Используя знание арабского и практический опыт, готовил экспертные заключения для британских властей Адена. А его исследования в Южной Аравии были неплохим вкладом в науку: он опубликовал три книги и более 115 статей для различных журналов, а также отчет о поездке по юго-западу Аравии. Бэри хорошо изучил страну, ее людей, любил путешествовать в арабской одежде, при этом всегда умел находить помогавших ему влиятельных друзей.

В 1911 г. в госпитале он влюбился в медсестру Энн Маршалл, а в 1913 г. они поженились и уехали в Каир. Оставив службу в Арабском бюро, перешел в резерв Королевского флота и служил на разных кораблях до самой смерти. Он умер в возрасте 46 лет в сентябре 1920 г. в своем доме в Хелуане, а его жена надолго пережила его, скончавшись в Брайтоне в 1976 г.

Одни хорошо знавшие Бэри люди отзывались о нем весьма лестно, другие приписывали ему участие в различных махинациях. Британский археолог Дэвид Хогарт описал его как смелого исследователя с обширными знаниями о внутренней Аравии, все европейские ученые хвалили его книги. Службу Бэри оценил и британский флот, и после кончины он был похоронен с воинскими почестями на протестантском кладбище в Каире [Sturm, 2011, S. 197–200].

Альфред Ян (Alfred Jahn, 1875–?), австриец, или австрийский немец, как они себя тогда называли, был уроженцем Вены. Он окончил Венский университет и защитил там же докторскую диссертацию по египтологии. Был приглашен в Южноаравийскую экспедицию по рекомендации Мюллера, который оценил его способности, выступив оппонентом на защите его диссертации. Альфреду был поручен сбор материалов по современным южноаравийским языкам, в первую очередь махри. Как будет показано ниже, его

дальнейшая судьба после возвращения из экспедиции сложилась весьма непросто, однако результаты его полевых исследований были достаточно солидными. Он оставил после себя сравнительно полную грамматику махрийского языка, которая вплоть до недавнего времени была единственным системным пособием по нему, а также собрание махрийских текстов на центральном диалекте района обитания носителей этого языка (эль-Гайда – сегодня столица йеменской провинции Махра). К разговору о том, как складывалась его жизнь после возвращения из экспедиции, мы еще вернемся далее.

К участникам экспедиции позже других присоединился доктор Штефан Паулаи (Stefan Paulay, 1839–1913; см. о нем: [Sturm, 2011, S. 208–209]). Отставной врач линкора, он получил приглашение сопровождать экспедицию от оргкомитета. Паулаи родился в 1839 г. в Пеште в семье чиновника-экономиста. После окончания гимназии он учился в Академии имени императора Иосифа в Вене и в Университете Граца, в 1865 г. стал доктором общей медицины, а также получил степень магистра акушерства. Семь месяцев проработал вторым врачом хирургического отделения городской больницы Граца, затем в звании обер-лейтенанта присоединился к добровольческому корпусу отряда охраны императора Максимилиана в Мексике, где работал до 1866 г. Здесь, вероятно, Паулаи познакомился с Лео Райнишем, который сопровождал императора в качестве эксперта (вероятно, именно Райниш вспомнил о Паулаи во время подготовки экспедиции и рекомендовал его в качестве экспедиционного врача).

После Мексики Паулаи поступил на службу в военно-морской флот, пройдя путь от врача на корвете до врача на фрегате, а потом и на линкоре, после чего смог внести необходимый тогда брачный залог, составлявший 12 тысяч гульденов, в 1875 г. женился и стал отцом двух сыновей и двух дочерей. Помимо своей непосредственной деятельности врача Паулаи активно занимался вопросами, интересовавшими его еще в период обучения в Университете, в частности разрабатывал инструкции по использованию молока в госпиталях военно-морского флота. Он свободно владел немецким и венгерским языками, а также мог общаться на итальянском, русском и испанском языках. В декабре 1889 г., в возрасте 50 лет Паулаи был отправлен в отставку после того, как заработал двустороннюю паховую грыжу. В это время он жил с семьей в Триесте.

Приглашение в Южноаравийскую экспедицию он получил лишь в конце сентября, будучи отобран из числа кандидатов, в октябре ездил на встречи с организаторами в Вене. Он отвечал за медицинское обслуживание всех участников экспедиции и, в сотрудничестве с фармацевтом Скопчинским, должен был сформировать для них большую аптеку. Кроме того, как компетентный ботаник, он получил задачу создать в ходе экспедиции естественнонаучную коллекцию. В качестве гонорара ему выделялись 200 гульденов в месяц. За заслуги в работе Южноаравийской экспедиции Паулаи был награжден рыцарским орденом Франца-Иосифа.

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ И ВЫЕЗД ВО ВНУТРЕННИЕ РАЙОНЫ

Пунктом прибытия экспедиции на побережье полуострова в конечном итоге был выбран порт Бальхаф¹¹. Путь в глубь Южной Аравии через него представлялся соруководителям экспедиции менее опасным и утомительным, к тому же в Бальхафе не действовало требование английских властей не иметь при себе оружия внутри полуострова, поскольку местный султан фактически был полновластным правителем города. Исследователям

¹¹ Бальхаф входил в Султанат Вахиди, объединивший в 1881 г. султанаты Вахиди Аззан и Вахиди Бальхаф. В 1888 г. этот объединенный султанат стал частью Аденоского Протектората Великобритании. Протекторат в 1940 г. был разделен на Западный и Восточный (см. подробнее в: Наумкин, 2017).

было также важно ознакомиться с руинами известного в истории древнего порта Кана¹² и осмотреть этот впечатляющий регион с большим количеством вулканов.

Внешне отношения между Мюллером и Ландбергом выглядели вполне приличными. Письма Мюллера были наполнены оптимизмом по поводу предстоящего путешествия, а Ландберг, получавший тревожные сведения о событиях, происходивших в Йемене, не делился ими с коллегой. Граф по-прежнему был обеспокоен тем, что Мюллер, которого «все воспринимают как еврея», в недостаточной степени владеющий языком, непредставительно выглядящий, полный и неуклюжий, может вызвать у арабов антипатию [Sturm, 2011, S. 223].

В Адене, главным образом благодаря активным усилиям Альфреда Яна, были найдены и взяты в экспедицию два информанта: по языкам сомали и махри. Мюллер был очень доволен: он теперь собирался отдавать все силы сбору сведений о махри, пока информант находится на корабле. Особую ценность представляли собранный Яном лингвистический материал и заметки: пока другие члены экспедиции продвигались в глубь страны, он оставался на судне и работал с информантами как по махри, так и по сомали.

В начале декабря в письме в Академию Мюллер подробно описал финансовое состояние экспедиции. Больше всего его волновали будущие расходы, которые он называл «огромными». Наибольшие опасения в этом отношении у него вызывало сопровождение экспедиции – при вступлении во внутренние районы полуострова к путешественникам должны были присоединиться вожди племен с верблюдами.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВНУТРЕННИЕ РАЙОНЫ ПОЛУОСТРОВА

«В ходе экспедиции Мюллер (часто и от имени Ландберга), – пишет Штурм, – сообщал в Академию о том, как проходят исследования. До нас дошли также очень подробные дневники Космата, в которых описание научных наблюдений соседствует с повествованием о повседневных событиях. Сохранился и дневник Симони. Записи обоих исследователей находятся в Геологическом архиве Австрии» [Sturm, 2011, S. 224]. Вооружившись рекомендательными письмами британского политического резидента, 21 ноября 1898 г. экспедиция отправилась из Бальхафа во внутренние районы полуострова. По выходе из Бальхафа Ландберг написал своему старому знакомому – султану Мухсину, который, в свою очередь, согласился написать своему брату Ахмеду, чтобы тот забрал группу ученых и проводил ее в другой вахидийский город – Аззан¹³.

На следующий вечер участники экспедиции получили приглашения от обоих султанов, с помощью которых им удалось найти целую сотню верблюдов, треть из которых была необходима для перевозки научного оборудования (!). В ожидании каравана Космат и Симони исследовали вершины окрестных холмов.

Верблюдов пришлось нанять по завышенной цене. Кроме того, брат султана Мухсина, султан Ахмед, потребовал, как всегда делали бедуины, зарабатывавшие на путешественниках, чтобы караван охраняло не пять, как планировали ученые, а двадцать пять членов его племени, что означало новые обременительные затраты. Мюллер был не слишком доволен этими обстоятельствами, но не мог возражать Ландбергу, который нес единоличную ответственность за этот отрезок пути. Амбициозный Ландберг придерживался мнения, что «единственным условием безопасного путешествия является единоначалие», т.е. подчинение ему, Ландбергу [Sturm, 2011, S. 227]. В заключительном отчете Академии Мюллер описывал поведение графа следующим образом

¹² Кана – порт древнего южноаравийского царства Хадрамаут, находившийся на «дороге благовоний». Здесь в 1980-х гг. вели археологические раскопки ученые Института востоковедения РАН, работавшие в Йемене в составе комплексной экспедиции [Qani'..., 2010].

¹³ Аззан – главный город одного из султанатов Вахида, части Аденоского протектората Великобритании.

(под этим описанием стоят подписи Симони, Коссмата и Паулаи): «Он обидел и ранил по очереди Яна, доктора Паулаи <...>, капитана корабля и др.». Швед уведомил членов экспедиции об опасности продвижения в глубь страны в настоящих условиях. Однако его предложение изменить стартовую точку не было поддержано. 1 декабря караван двинулся в путь на Аззан.

«В экспедиции во внутренние районы страны участвовали: Ландберг, Мюллер, Симони, Коссмат, Паулаи, Бэри, слуга Блох, египетский повар и арабский секретарь Ландберга Хасан, а также два найденных им местных жителя», – пишет Штурм. Бэри, выполнявший функции предводителя каравана, нередко вызывал негодование у Ландберга, который считал, что секретарь «раньше всех садится на верблюда, и раньше всех с него слезает, чтобы покурить кальян» [Sturm, 2011, S. 228]. В Айн Ба-Маабаде караван был встречен песнями и танцами; однако местные власти требовали щедрых подарков, а предводитель бедуинов угрожал путешественникам обстрелом. Той ночью членом экспедиции пришлось разделить с охранниками тяготы ночной вахты. Из дневников Коссмата мы узнаем об удивлении, которое среди бедуинов вызывало рвение Симони к исследовательской деятельности, и о противоречивых приказах Ландберга, которые нередко шли вразрез с интересами экспедиции. Продвижение внутрь страны зачастую прекращалось из-за финансовых требований султанов, которые, как правило, был готов удовлетворить Ландберг, но против чего решительно возражал Мюллер.

Как отмечал в своем дневнике Коссмат, на протяжении всего пути постоянно возникали небольшие остановки, во время которых они с Симони бродили по окрестностям с «тихой яростью голодного человека, ведь [они] никогда не могли утолить свой голод». Вину за эти неприятности Коссмат возлагал на «нерешительность и боязливость» графа. А тот, в свою очередь, чувствовал себя обманутым султанами и погонщиками верблюдов, которые «своими постоянными требованиями денег затрудняли всякое продвижение вперед» [Sturm, 2011, S. 229]. Между Мюллером, Ландбергом и Бэри часто возникали споры по тому или иному поводу. Мюллер, заметив за графом жестокое обращение с местными жителями, старался через посредство Бэри осадить его. Ландберг же жаловался в своем докладе на то, что ему одному приходилось решать большое количество организационных вопросов.

5 декабря экспедиция наконец достигла Аззана – очень бедного, но хорошо сохранившего древности города. Исследователи планировали встать лагерем неподалеку от него, не привлекая к себе внимания местного населения, но султан Мухсин, за которым издавна закрепилась слава «интригана и коррупционера», настоял на торжественном приеме иностранцев. «Он не был признан [легитимным правителем] англичанами и сам, в свою очередь, не хотел с ними связываться» [Sturm, 2011, S. 231], но приготовил отличный прием путешественникам и позволил им остановиться в его дворце. Однако здесь исследователи узнали, что дальнейшее продвижение в глубь страны им не разрешалось: не допускались даже экскурсии по самому городу.

Ландберг, как казалось, был удовлетворен такой информацией и, по-видимому, не слишком хотел продолжать путешествие, так как считал эту затею бесперспективной. Продвижение дальше не было возможным и по финансовым причинам. В ожидании дальнейших шагов, спасаясь от скуки, члены экспедиции иногда упражнялись в стрельбе, а врач, доктор Паулаи, консультировал представителей местной знати, родственников султана и его самого. Уже на второй день пребывания гостей при дворе султана тот за закрытыми дверями провел с Ландбергом разговор о подарках. Помимо традиционных даров, которые в большом количестве требовались для многочисленных родственников и приближенных султана, Мухсин пожелал получить от Ландберга карабины членов экспедиции. Решительно против вручения султану и его людям винтовок выступали Мюллер и Бэри. Это было обусловлено рядом причин: во-первых, экспедиция уже и так

потеряла много средств и оборудования из-за расточительности Ландберга; во-вторых, оружие бедуины могли в конечном счете применить против самих путешественников; в-третьих, такой поступок мог бы интерпретироваться англичанами в Адене как поддержка подданными Австро-Венгрии неподвластных Британии сил. В итоге султан был вынужден удовольствоваться личной винтовкой графа.

При этом «постоянно приходили новые посетители, которым тоже нужно было вручать подарки, – пишет Штурм. – Ситуацией умело пользовался султан, который стравливал их между собой в собственных интересах. Кроме того, Мухсин пытался втянуть в свои интриги Ландберга и требовал от него поддержки в этих махинациях» [Sturm, 2011, S. 232–233]. С того момента, когда стало ясно, что дальнейшее продвижение внутрь континента невозможно, Мюллер стал категорически возражать против дальнейшей раздачи подарков султану и его приближенным.

Но, несмотря на то что исследователи практически не имели свободы передвижения во время пребывания у султана, им все же удалось совершить поездку к развалинам знаменитого, удивительного химьяритского замка Накб аль-Хаджар, находившегося примерно в часе езды от Аззана. В поездке приняли участие все, кроме Ландберга, который нашел это предприятие слишком опасным. При осмотре города были найдены многочисленные неизвестные ранее надписи. Кроме того, 9 декабря Бэри, Симони и Коссмат в компании нескольких охранников предприняли вылазку в близлежащие горы. В остальные же дни их деятельность ограничивалась «патрулированием» окрестностей. Такие близкие прогулки разрешались им только в сопровождении воинов султана, который за каждую из них выставлял свой счет.

Не только испытывавший неприязнь к шведу Мюллер, но и Коссмат с Симони видели причину неудач экспедиции в неумелом руководстве Ландберга. Недовольство постепенно нарастало еще и потому, что сам Ландберг в пренебрежительном тоне общался с австрийскими участниками экспедиции. Коссмат отмечает, что практически ежедневно из уст графа можно было слышать фразы, вроде: «Честь Академии – не моя честь», «Что мне за дело до Академии», «Я не буду ставить под угрозу собственную жизнь во имя дела Академии». 12 декабря было окончательно решено возвращаться в Бальхаф. В этот же день Коссмат и Симони в кратком сообщении известили коллег в Академии о том, что Ландберг сохранит пост руководителя экспедиции и на время путешествия на Сокотру.

Хотя это сообщение вошло в дневник Коссмата и Симони, который был направлен в Академию после прибытия экспедиции на континент, в нем содержались весьма критические замечания о Ландберге. Ученые отмечали его «чрезмерную заботу о собственной безопасности» и ограничение свободы передвижения остальных участников экспедиции, что никак не могло способствовать должному исполнению ими исследовательских обязанностей. По мнению Коссмата и Симони, при такой политике неудача предприятия в целом была неизбежна. Симони и Коссмат писали о графе: «Теперь тот же человек, из-за нерешительности и робости которого был приостановлен прогресс кампании, в присутствии членов экспедиции дважды заявил о том, что он отказывается от всякой ответственности перед Академией» [Sturm, 2011, S. 235]. Эти высказывания шведа послужили достаточным предлогом для того, чтобы всякие отношения между ним и остальными членами экспедиции были прекращены. С этого момента руководителем экспедиции фактически стал Мюллер, которого Коссмат неоднократно хвалил за «его энергию и непоколебимую стойкость».

13 декабря караван наконец вышел в Бальхаф. Обратный путь прошел без происшествий и относительно быстро. Уже 16 декабря в 9 часов в Бальхафе произошла погрузка на корабль, и вечером на борту состоялся ужин, куда были также приглашены представители Мухсина, сопровождавшие экспедицию из Аззана. 20 декабря Ландберг сошел с

корабля в Адене и поселился там в гостинице, тем самым окончательно разойдясь с остальными учеными. Это фактически означало его уход в отставку¹⁴.

Теперь Мюллеру предстояло известить Академию о неудачной попытке проникновения в глубь Аравийского полуострова и о своевольном поведении Ландберга. Отчет был закончен в Адене и 18 декабря был отправлен в Вену с подписями Симони, Коссмата и Паулаи. К нему было приложено письмо, в котором Мюллер рассказывал о долгих переговорах с англичанами и поведении графа. После отставки Ландберга начался оживленный обмен сообщениями между Мюллером и Академией. Помимо прочих документов, в Вену был отправлен дневник Коссмата и Симони.

Напряженность в отношениях между членами экспедиции достигала такого накала, что она предопределила дальнейшую судьбу некоторых из них. Житейские и научные разногласия Мюллера с Яном привели к резкому ухудшению отношений между ними, и после возвращения из экспедиции Ян лишился любой возможности продолжить научную карьеру. Его попытки найти место для академической деятельности за пределами Австрии также не увенчались успехом. В результате ему пришлось довольствоваться должностью преподавателя гимназии в чешских городах Оломоуце (Ольмоуце) и Брно (Брюнне), где у него, вероятно, оставались старые связи, а также в Вене. Навязчивое стремление мстительного Мюллера испортить жизнь Яну, вероятно, не простиралось так далеко, чтобы помешать ему быть школьным учителем. О последнем периоде жизни ученого ничего не известно, и даже данные о времени его ухода из жизни отсутствуют.

Рис. 3. Участники экспедиции на Сокотре возле селения Карья, 21.02.1899.

Кратковременная поездка группы на остров Сокотра носила ознакомительный характер, о чем свидетельствует экспедиционный дневник и сделанные учеными хранящиеся

¹⁴ На следующий год Ландберг с Мюллером обменялись нелицеприятными отзывами друг о друге в печати [Landberg, 1899; Müller, 1899].

сегодня в архивах фотографии (часть из них опубликована в диссертации Г. Штурм), – с середины января по начало марта 1899 г. Однако исключительно плодотворной была работа с информантами.

В результате обработки австрийскими учеными материалов, собранных ими в ходе полевых исследований в Йемене, а также работы с привезенными в Вену информантами (о чем будет подробно рассказано в готовящей к публикации второй статье на эту тему) ими был написан ряд важных научных трудов. Помимо работ по эпиграфике, археологии и йеменским диалектам арабского был сделан серьезный шаг вперед в изучении живых южноаравийских языков. Мюллер, в частности, опубликовал несколько томов текстов на этих языках с переводами на немецкий. Они послужили основой для исследований ряда других ученых, результаты которых были опубликованы в последующие годы. Поскольку основным предметом нашего интереса в данной статье является история изучения сокотрийского языка и сокотрийского фольклора, в этом контексте следует особо отметить сравнительно-этимологический сокотрийский словарь известного семитолога и эфиописта Вольфа Леслау [Leslau, 1938].

Этот ученый, родившийся в Польше в 1906 г., прожил долгую жизнь. Став сиротой в 10 лет, он позднее перебрался в Австрию, где занимался семитологией в Венском университете вплоть до 1931 г. Затем учился у Марселя Коэна в Сорбонне в Париже, где занимался семитскими языками – древнееврейским, арамейским, аккадским, сокотрийским и древнеэфиопским. В 1939 г. был помещен в концлагерь, но в 1942 г. его удалось спасти и вывезти в США. Работал в Нью-Йорке, с 1946 г. несколько лет занимался полевыми исследованиями современных языков в Эфиопии, в 1950 г. побывал в Йемене, где сделал записи диалектов бедуинских племен и йеменских евреев. С 1955 г. работал в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Оставался почетным профессором (Professor Emeritus) Калифорнийского университета вплоть до своей кончины в доме престарелых в Фуллертоне (в 40 км от Лос-Анджелеса) в 2006 г. в столетнем возрасте. Когда я был приглашенным профессором Калифорнийского университета в Беркли в 2003 г., я был поражен тем, что еще застал престарелого профессора в живых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Наумкин В.В. «Красные волки» Йемена. М.: ИВ РАН, 2017 [Naumkin V.V. "The Red Wolves" of Yemen. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2017 (in Russian)].

Пирен Ж. *Открытие Аравии*. М.: ГРВЛ, 1970 [Piren J. *A la découverte de l'Arabie, cinq siècles de science et d'aventure*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1970 (Russian translation)].

Островерха, М. Бучач. *Бучаччина: исторично-мемуарний збірник*. НТШ: 1972 [Ostroverkha M. Buchach. *Buchachchina: a historian-memoir collection*. NTSh, 1972 (in Ukrainian)].

Landberg C. *Die Expedition nach Südarabien. Bericht an die kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien. Als Manuskript gedruckt*. München: Seitz und Schauer, 1899.

Landberg C. de. *Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale*. I. *Hadramout*. Leiden: Brill, 1901; II. *Daḡīnah. I-ère partie. Textes et traduction*. Leiden: Brill, 1905. II-ème partie. *Commentaire des textes prosaïques*. Leiden: Brill, 1909; III-ème partie. *Commentaire des textes poétiques*. Leiden: Brill, 1913.

Landberg C. de. *Glossaire Daḡīnois*. I. Leiden: 1920; II. Leiden: 1923; III. Leiden: Brill, 1942.

Leslau W. *Lexique Soqotri (sudarabique moderne) avec comparaisons et explications etimologique*. Paris: Kincksieck, 1938.

Macro E. The Austrian Imperial Academy's Expeditions to South Arabia 1897–1900. C. de Landberg, D.H. Müller and G.W. Bury. In: R.B. Serjeant, R.L. Bidwell, G. Rex Smith (eds.). *New Arabian Studies*. 1. Exeter: University of Exeter Press, 1993. Pp. 54–82.

Müller D. *Die südarabische Expedition der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien und die Demission des Grafen Carlo Landberg*. Wien–Leipzig: W. Braumüller, 1899.

Qani': le port antique du Hadramawt entre le Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles russes 1972, 1985–1989, 1991, 1993–1994. Dir. par J.-F. Salles et A.V. Sedov. Turnhout: Brepols, 2010 (Indicopleustoi. Archaeologies of the Indian Ocean, 6).

Rhodokanakis N. *Der vulgärarabische Dialekt im Dofâr (Zfâr)*. Bd. I. *Prosaische und poetische Texte*. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, Südarabische Expedition, 1908; Bd. II. *Übersetzung und Indecis*. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, Südarabische Expedition, 1911.

Sturm G. Dissertation “*David Heinrich Müller und die südarabische Expedition der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften 1898/99*”. Eine wissenschaftliche Darstellung aus Sicht der Kultur- und Sozialanthropologie Verfasserin Mag. Gertraud Sturm angestrebter akademischer Grad Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) Wien, im März 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАУМКИН Виталий Вячеславович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vitaly V. NAUMKIN, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, DSc (History), President, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor and Chair, Faculty of World Politics, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.